

Родилась в Краснодаре. В 2005 году окончила дневное отделение Литературного института им. А.М. Горького (Москва).

Публиковалась в журналах «Юность» (Москва), «Наш современник» (Москва), «Литературная учеба» (Москва), «Кольцо «А» (Москва), «Наша улица» (Москва), «Осколки» (Москва), «Тверской бульвар, 25» (Москва), «Дон» (Ростов-на-Дону), «Дон и Кубань» (Ростов-на-Дону), «Родная Кубань» (Краснодар), «Звезда Черноморья» (Туапсе), «Орфей» (Геленджик), «Микролит» (Гулькевичи), «Зори над Еёй» (ст. Кущёвская), «Аса» (Краснодар), «Новый Карфаген» (Краснодар), «Сумрачный гений» (Краснодар), «Литературной газете» (Москва), газете «Провинциальный интеллигент» (Костомукша), альманахе «День поэзии» (Москва), коллективных сборниках «Пролог» (Москва), «Формула радуги» (Омск), «Из варяг в греки» (Великие Луки), международных антологиях «Стихия», «Между весной и вечностью», «Возвращение», энциклопедической антологии «Душа России: пятнадцать

веков русской поэзии», и других печатных и интернет-изданиях. Имеет научные публикации.

Участник I Форума молодых писателей России. Лауреат конкурса «Илья-премия» (Москва), победитель конкурса на лучшую публикацию журнала «Литературная учеба» в 2002 году (Москва), победитель поэтического фестиваля «ЛиРА-фест» в 2008 году (Ростов-на-Дону), победитель литературного конкурса 2010 года журнала «Лексикон» (Чикаго, США).

Стипендиат Министерства культуры РФ (2004).

В 2000 году основала литературно-театральную группу «Пункт Приема», в составе которой участвовала в концептуальных поэтических спектаклях и перформансах.

С 2008 по 2009 год являлась исполняющей обязанности председателя Краснодарского краевого отделения Союза российских писателей.

В разные годы работала помощником библиотекаря, внештатным корреспондентом, сторожем, редактором издательства, землекопом в археологической экспедиции, литературным консультантом, озеленителем и завлитом театра.

В настоящее время — собственный корреспондент газеты «Тайное и явное».

ВЫБОР

Книга открыта на двадцать седьмой странице.
Наглухо дом закрыт на десятой квартире.
Те, кто успел умереть, не сумев родиться,
уходят под стук молотков «раз...два...три...четыре...»

Дождем перечеркнуты наши тихие гости.
Азбука в стороны разлетается насекомом.
Мы, как и прежде, зеленые... Только от злости,
а не от юности, которая — в горле комой.

Словно с монетой во рту мы храним молчанье,
касторжно веруя в наступление свободы...
А за спиною топчется новый начальник,
превращающий наше вино в сточную воду.

В позе рака-отшельника мудрено сохранять осанку...
Но всегда есть выбор — остаться стерильно чистым.
Глядишь, вчерашний строитель воздушных замков
стал бригадиром воздушных бульдозеристов.

А может и правда — пора становиться взрослым.
С бронированным взглядом заказывать гроб на вырост.
Только на коньяке и погонах исследовать звезды
и на все купола креститься — авось не выдаст...

Так беги, не оглядываясь, пока не подкрался опыт,
рук не свинтил и умения зреть не отнял,
ладонями впитывать влажный кирпичный шепот,
неприкаянной тенью взламывая подворотни.

Пусть проходят мимо звездные караваны,
и живые слова отразятся во тьме озёрной,
когда полетишь над миром, кристально пьяный,
на сверхзвуковой, цепляясь за все заборы.

А когда патруль станет шарить за пазухой имя —
не найдет ничего, кроме глины в ладонях скитальца —
в этой влажной спросонок мгле поплывут над ними
облака, похожие на отпечатки пальцев.

Я И МОЙ АНГЕЛ

Мой ангел сидит на яйцах на раскалённой крыше.
На душе барахлятся кошки, в подполье танцуют мыши.
Сижу я на подоконнике, в Луну окунувши пятки,
кручу Ангелу кукиши и загадываю загадки.

Он терпит все мои выходки, он вообще — тихоня.
Не то, что не даст по морде — крылом никогда не тронет.
А я — испытатель терпения и игрец на ангельских нервах —
брожу по значным окраинам и нападаю первым.

Ангел печально смотрит на мою пьяную рожу.
Он искренне огорчается, но ничего не может.
И хотя я — большая сволочь, — если честно признаться,
иногда я сменяю ангела и сажусь высидывать яйца.

Вот так мы дежуриим по очереди на остывающей крыше.
Ангел во сне бормочет и тихонечко дышит.
А когда разгадает последнюю из моих дурацких загадок,
мы с ним по-братски обнимемся над выводком ангеляток.

Поэт, воспевающий дерево, пишет карандашом,
пока его совесть качается в петле сигаретного дыма...
Он мечется в поисках выхода, думая, что вошёл,
А сам до того задумался, что просто протопал мимо.

Он тридцать три года с лишним сидел на своей печи,
не замечая, как ветер под ним раздувает пламя...
Но даже среди пожарища он повторял: «Молчи!
Ибо, всё, что ни делается — делается не с нами».

При каждом удобном случае ему объясняют жизнь,
и применяют санкции, и принимают меры...
А для него без разницы — что кома, что коммунизм,
лишь бы в пивную очередь пристроиться самым первым.

Он спит, когда вдохновение просится на постой.
Он ни во что не вмешивается, не думает, не гадает.
Он счастлив, что ружья мира его обошли стороной,
не зная — в последнем акте и карандаш стреляет...

БРОШЕННАЯ ЛОШАДЬ

Горизонт выверен ростомером тополя.
Синие окраины сплющены тоской.
Проплывает песенка за пустыми окнами.
Лошадь неумелая щиплет сухостой.

Лошади без всадника никуда не хочется.
Всё ей, бедной, кажется, что труба зовет.
Пылью и окалиной пахнет одиночество.
Ускакала конница в яростный поход.

Только лошадь старая, никому не нужная,
иноходец, брошенный на пустой меже,
бредит славным подвигом, бредит доброй дружбою,
а сама проваливается в Родину уже...

На полях потоптанных, на костях обглоданных
вольно только ворону выплестать узор.
Потому что Родина, как и лошадь, продана.
В чёрной канцелярии зреет приговор.

Только лошадь пегая знает о том не ведает,
ждёт, когда покажутся сводные полки.
За пустыми хатами, звёздами, кометами
всадник угостит её сахаром с руки.

Потому стоит она на траве некошеной.
Клином свет безжалостный сходится на ней.
Поднимите головы — брошенные лошади
уплывают в прошлое в поисках людей.

ПРОМЕТЕЙ ИЗ ХРУЩОБ

Стоя на кухне, плевал в форточку.
Думал, со временем станет легче.
Но — если закрыт отдел вино-водочный —
орёл прилетает клевать печень.

А ты гостю любому радёшенек.
Улыбка дежурная — здравствуй, птичка!
Но если вокруг все такие хорошие,
значит, пора менять привычки...

Жизнь, похожая на кубик Рубика.
Солнце круглое, как сковородка.
Паста червём выползает из тюбика.
Бритва дрожит у подбородка.

А в окошке, засиженном мухами,
 зришь драму, достойную «Оскара», —
 мусорный бак, набитый старухами...
 Участковый, дубасящий недоноска...

И это значит — жизнь продолжается,
на чахлах деревьях проклюнулись почки.
Почти не лает и не кусается
чудище на хромосомной цепочке.

Оно изыдет из жерла подъездного,
в синее небо задвинет матом,
расправит крылья свои железные,
держа под мышкою мирный атом.

А ты носом прилипнешь к форточке
в малогабаритной своей квартире.
С орлом опрокинешь ещё по стопочке
за мир во всём непутёвом мире.

За все нерождённые поколения.
За дело, в котором давно сомневаешься.
Крикнешь: «Падла! Стоять, мгновение!»
И птичка вылетит. А ты — останешься.

ГОРОДСКОЙ СУМАСШЕДШИЙ

За пазухой спящего Города, как у Христа,
под колючими взглядами хмурых легионеров.
Фонарная проповедь метит святые места
и гонит язычника в тёмные заросли скверов.

Горячим дыханьем вмерзая в заплёванный лёд —
соломки, смотри, не забудь, да прикройся от ветра...
Ведь ты слишком слаб совершить от ворот поворот,
укутав листвою глаза безнадёжного цвета.

Бреди полосой отчуждения, божий дурак,
тяни за собой на верёвке игрушечный поезд.
Ты так ему верил, пока твой лимит не иссяк,
пришибленный дверью с табличкой «не беспокоить!»

Попавший случайно в Город Закрытых Дверей,
где каждый кирпич запрещает движение прямо,
ты мир этот видел глазами тряпичных зверей,
смотрящих доверчиво в небо из мусорной ямы.

Пока ты рассказывал сказки живой пустоте —
тебя изнутри обобрали, оставив лишь выцветший кокон.
Но всё же свободнее тех, кто плетётся в хвосте,
нелепый бульжник,

летающий в созвездие окон.

ВЫПУСКНОЙ БАЛ

Потолок тает, как айсберг,
разбивая Титаник сна.
По всем радиостанциям
с треском провалилась весна.
В очереди за хлебом
граждане пьют вино.
Происходит пресуществление,
осуществление снов.
Встают, от воды отряхиваясь,
затонувшие корабли.
Ликвидаторы держатся за руки
и светятся, как фонари.
Под руку со Стенькой Разиным
идёт молодая княжна.
И кому какая забота,
что немного она влажна.
Белые вместе с красными
возвращаются из полей.
Поднимается из формалина
кто всех живых живей.
Поэты с верёвкой на шее,
поэты с пулей в груди
улыбаются в тёплых сумерках,
веря, что всё — впереди.
Веря, что всё ещё сбудется,
и слава КПСС,
и рукопись напечатают,
если Христос — воскрес.
Над ними летит Гагарин,
Над ними встаёт рассвет.
Грусть выпускного бала
в мире, которого нет.
Утром проснёшься мятый,
выйдешь из-за угла
И скажешь тихонько: «Мама,
зачем ты меня родила?..»

Духовые оркестры в шерстяных задохнутся мирах.
От протяжного звука становится тесно и жарко.
На все лапы четыре припадая, отползает мой страх,
от ветров карусельных и конфеток на палочках ярких.

На виске незаметная бьётся тонкая жилка тоски
выпускных вечеров, чьи печальны и радостны встречи.
Эй, прищуренный сторож!
Судьбу мою на кленовых листьях раскинь,
если пену пивную не слизал саксофонящий вечер...

Эхо тёмных аллей дышит в ухо и палец к губам
прижимает лукаво — какие еще, к чёрту, танцы..
Кавалеры искусно прижимают кустящихся дам,
приходящих с единственной целью — здесь на ночь остаться.

Карусели кружатся, как сансары моей колесо.
На мгновенье над парком — назавтра очнёшься в ментовке.
Духовые оркестры правят своё ремесло
и на следующий день провожают кого-то в духовку...

Улетают шары. Дети плачут. Хохочет толпа.
Над кленовым раскладом, над серой асфальтовой жижей.
Я стою, и мороженка тает в моих непослушных руках,
превращаясь в молочные реки, из которых восстанет град Китеж.